

Наталья Борисовна Корина

Словакия, Университет им. Константина Философа в Нитре

Порядок и хаос: к вопросу об использовании когнитивной методологии в лингвистических исследованиях

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когниция, концепт, языковая категоризация действительности

Key words: cognitive linguistics, cognition, concept, linguistic categorization of reality

Abstract

The paper aims to outline some possible solutions for the elimination of chaos in the methodology and terminology of cognitive linguistics (mostly in Slavic area). It analyzes contradictions in the basic terminology of cognitive linguistics as well as the reasons why certain scholars criticize cognitive linguistics. A brief overview of the actual situation in Slavic cognitive linguistics is provided.

Современное состояние когнитивных исследований языка в разных странах можно было бы обобщенно охарактеризовать известной поговоркой «сколько людей, столько и мнений». На первый взгляд данная ситуация больше походит на хаос, чем на порядок. Главная причина этого, как нам представляется, кроется в различных толкованиях самих понятий «когниция» и «когнитивный», а точнее, в том, отождествляется ли когниция с познанием или рассматривается иначе. Представители точных наук когнитивной считают в первую очередь биологию, а механизмы мышления и речепорождения рассматривают как нейрофизиологические процессы. Философы отождествляют когницию с познанием и рассматривают ее в границах сознательной мыслительной деятельности человека. Психологи рассматривают когницию как функционирование познавательных процессов в человеческой психике (логическое мышление, воображение, внимание, память и т. д.). И во всех этих отраслях знания сложилась своя методология, которая называется когнитивной, но по

содержанию существенно различается. А лингвисты разных стран и разных научных школ, в зависимости от доминанты их исследовательского подхода – психологической ли, социокультурной или иной, – ориентируются на методологию разных областей знания, создавая на их основе свою собственную. В итоге наименования понятий зачастую совпадают, но при этом наполняются совершенно разным содержанием. Это привело к скептическому восприятию рядом ученых когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины и к значительным разногласиям в рядах тех, кто причисляет себя к когнитивной лингвистике. Однако поиск общего знаменателя в данной сфере несомненно необходим, и мы попробуем сделать шаг в этом направлении.

Для начала обратимся к этимологии слова *когниция*. Его латинский «предок» *cōgnitiō* имеет следующие основные значения: 1) познание; 2) знакомство (с кем-либо); 3) знание, знания; 4) представление, понятие (о чем-либо); 5) судебное расследование [Španár, Hrabovský 1987: 106]. Даже из этого стандартного набора значений становится очевидным, что когниция не ограничивается познанием и может пониматься как минимум в трех аспектах: а) познание как процесс активного освоения действительности, б) знания как результат данного процесса и в) представление о чем-либо, которое, как известно, может иметь в сознании человека не только логический, но и образный характер. Наша задача – показать, что присутствие в исследовательском диапазоне когнитивной лингвистики всех данных направлений является не взаимоисключающим, а взаимодополняющим. Лингвистика как одна из наук о человеке должна учитывать разные аспекты его существования. Поэтому «когнитивная лингвистика – не столько новое направление в науке, сколько осознание того, чем, собственно, должен заниматься языковед» [Норман 2013: 9; аналогично Tabakowska 2000].

Терминологический аппарат когнитивной лингвистики во многом вообрал в себя элементы, заимствованные из других гуманитарных наук: так, термины «концепт» и «категоризация мира» заимствованы из философии, «гештальт» используется в психологии; термины «языковая картина мира», «концептуализация», «категоризация», как и основной термин «концепт», используются также в общей семантике и лингвокультурологии [ср. Мечковская 2010]. С одной стороны, это оправдано тем, что в лингвистической интерпретации они приобретают свое специфическое наполнение, отсутствовавшее в «первоисточнике»; с другой стороны, это стало одной из причин недоверия к терминологии когнитивной лингвистики и неугасающих споров между представителями гуманитарных наук о правомерности ее выделения как самостоятельной отрасли знания. Неодинаковы и позиции когнитивной лингвистики в разных странах.

Прочные позиции имеет в настоящее время американская когнитивная лингвистика, которая ведет отсчет со второй половины XX в. (принято говорить о начале 70-х гг. XX в. [ср. Evans 2009: 11]). Несмотря на «молодость»,

ее терминологический аппарат можно назвать относительно устоявшимся, о чем свидетельствует определенная однозначность толкований базовых терминов, в частности, в *Глоссарии когнитивной лингвистики* Вивиена Эванса [Evans 2007]. Любопытно, однако, при этом отметить, что в переводах данного труда на разные языки единство терминологии теряется, так как сами базовые понятия имеют в переводах иную форму: так, *lexical concept* в польском переводе – *pojęcie leksykalne* (лексическое понятие), а в русском – *лексический концепт* [Evans 2009: 97]. Однако американская когнитивная лингвистика тоже неоднородна. Сами американские когнитивисты выделяют в ней две наиболее развитые и обширные сферы – когнитивную семантику и когнитивную грамматику [Evans 2009: 12], в пределах которых развивается несколько исследовательских направлений [обзор см.: Камалова 2010]. В Германии и Голландии в рамках когнитивистики активно исследуется семантическая типология, и когнитивная лингвистика все больше сближается с корпусной, применяя методы статистического анализа больших массивов данных [Schwarz, Chur 1996; Wolf, Polzenhagen 2009; Haspelmath, Tadmor 2009 и др.].

В Польше когнитивные исследования велись изначально в основном в русле семантики (А. Вежбицкая, Я. Пузынина, Я. Анусевич, Р. Гжегорчикова, Э. Табаковская и др.) и этнолингвистики (Е. Бартминьский, А. Пайдзинская, С. Небжеговская-Бартминьская и др.), и до начала XXI в. здесь практически не говорили о когнитивной лингвистике, мало прибегая к «классическим» когнитивным понятиям. Шире, чем «концепт», использовались термины «стереотип» (Е. Бартминьский) и «ключевое слово культуры» (А. Вежбицкая), хотя направленность исследований была по сути когнитивной. С начала XXI в. в Кракове стала издаваться серия *Językoznawstwo kognitywne* под ред. Эльжбеты Табаковской, во многом ориентированная на труды американских когнитивистов.

В Чехии, где до сих пор сильны традиции структурализма, когнитивные исследования были восприняты научным миром весьма скептически, поэтому работы в данном направлении немногочисленны и представлены прежде всего коллективом Ирены Ваньковой [Vaňková a kol. 2005; Vaňková 2007].

В Словакии когнитивизм сразу стал развиваться в направлении, далеком от лингвистического. В публикации с символическим названием *Поиск общего языка в когнитивных науках (Hľadanie spoločného jazyka v kognitívnych vedách, 2000)*, а также в последующих изданиях серии *Язык и когниция [Jazyk a kognícia 2005; Rybár a kol. 2011]* ...отсутствует лингвистика! Зато есть биология, психология и философия. Лингвистические исследования когнитивной направленности носят пока маргинальный характер, на сегодняшний день существует только одна монографическая публикация в данной области, изданная в сотрудничестве с российскими когнитивистами [Алефиренко, Корина 2011]. Наиболее близко к данной проблематике находятся методологические

поиски философии языка, представленные трудами Ю. Долника [Dolník 2010; Dolník 2012]. Частично данная проблематика затрагивается в работах лингвокультурологического характера [Šipko 2011].

В России (и на всем постсоветском пространстве) ситуация гораздо более противоречива, поскольку изучение связи языка и сознания, языка и мышления, языка и речевой деятельности, составляющее основу когнитивного подхода, имеет здесь давние традиции (труды И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. А. Леонтьева, Д. С. Лихачева, А. А. Залевской и многих других). Кроме того, сам термин «концепт» с разным наполнением использовался в России уже в первой трети XX в. в различных гуманитарных науках: с 1920-х гг. – в литературоведении (С. А. Аскольдов/Алексеев), затем в теории языка (Л. В. Щерба), а позднее и в лингвистике текста в значении ‘компонент модели мира, представленной в данном тексте’ [Мечковская 2010]. Однако принципы выделения концептов, а также их аналогов и модификаций – «основных концептов» (Ю. Д. Апресян), «семантических лейтмотивов», а также вслед за А. Вежбицкой «ключевых слов культуры», «ключевых понятий (или идей)» (Ю. С. Степанов), «концептуально-значимой лексики» (Т. В. Топорова) – во многом остаются не определенными [Мечковская 2010: 19]. Тенденция к строгому разграничению концепта и понятия, концепта и смысла, концепта и категории наблюдается в трудах Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, Корина 2011], стремление дать концепту однозначное толкование прослеживается в трудах З. Д. Поповой, А. П. Бабушкина, Е. С. Кубряковой, М. В. Пименовой, В. И. Карасика, Н. Н. Болдырева и многих других. Причем последние из упомянутых ученых, будучи англистами, больше ориентированы на понятийную однозначность молодой американской когнитивистики, чем на богатые традиции и терминологический разброд российской лингвистики (достаточно перечислить лишь центры лингвокогнитивных исследований различной направленности: Москва, Санкт-Петербург – по несколько различных направлений; Воронеж, Томск, Кемерово, Казань, Тамбов, Екатеринбург, Белгород...). Неустойчивость понятийной базы российской когнитивной лингвистики обусловлена наличием большого количества параллельных толкований базовых терминов, зачастую противоречащих одно другому, что можно проследить, в частности, на примере толкования термина *концепт* в *Кратком словаре когнитивных терминов* под ред. Е. С. Кубряковой, которая считается первопроходцем когнитивной лингвистики в России в ее современном понимании [Кубрякова и др. 1997: 90–93]. С момента его издания ситуация мало изменилась.

Неоднородность терминологического аппарата и методологии лингвокогнитивных исследований в России имеет различные причины. Одна из них – некритическое перенимание западных образцов не только без учета отечественных традиций, но и, что особенно прискорбно, без вникания в их суть, что приводит к их поверхностному, а иногда и спекулятивному

использованию и дает основания говорить о распространении «когнитивной риторики», под которой нет серьезной научной базы. В частности, после появления знаменитого труда Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Метафоры, которыми мы живем* (1980) в русском переводе (2004), как грибы после дождя, выросло огромное количество работ, где данная концепция абсолютизируется как переворот в науке. Однако на российской почве она имеет характер не переворота, а плавного поворота, поскольку подобные проблемы, лишь под другими названиями, уже поднимались в российской лингвистике – в частности, роль метафоры в категоризации действительности затрагивалась в трудах Школы логического анализа языка Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1978; 1979 и позднее]. Эти исследования не носили тогда характера стройной концепции, но именно коллектив Н. Д. Арутюновой дал толчок к развитию когнитивной теории метафоры в России и издал фундаментальный сборник *Теория метафоры* [Арутюнова, Журинская (ред.) 1990], в котором впервые были помещены труды американских когнитивистов, в том числе Дж. Лакоффа, в переводе на русский язык.

Кроме того, свое неблагодарное дело делает и фактор моды на когнитивную терминологию, которой пользуется всяк кому не лень, что в итоге приводит к дискредитации ее научной ценности и дает основание для справедливой критики. В изданном в 2010 г. в Германии коллективном труде *Славянские языки в когнитивном аспекте* помещена основательная критическая статья Н. Б. Мечковской *Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии*, в которой автор, в частности, отмечает: «Разной в понимании основ когнитивной лингвистики не позволяет видеть в ней отдельную и цельную исследовательскую дисциплину» [Мечковская 2010: 16]. Этот разнотой является причиной той печальной ситуации, когда разные исследователи, причисляющие себя (хотя бы формально) к одному направлению – когнитивной лингвистике – игнорируют друг друга в научном плане. Все это, конечно, дискредитирует когнитивную лингвистику как научное направление и приводит к накоплению нерешенных проблем. С другой стороны, как мы уже показали выше, разнотой в понимании основ когнитивной лингвистики исходит из многогранности самого понятия «когниция» и свидетельствует не о сомнительности ее научной состоятельности, а, скорее, о широте ее диапазона. В науке должны быть не только узкоспециализированные, но и комплексные дисциплины, иначе мы вряд ли соберем в одно целое пеструю мозаику современных научных данных из разных областей – а только так мы можем приблизиться к познанию действительности во всей ее многогранности!

Нерешенные вопросы теории и методологии когнитивной лингвистики Н. Б. Мечковская сводит к трем основным группам:

- 1) неопределенность границ базовых понятий «концепт» и «языковая картина мира» [далее ЯКМ. – Н. К.]: одни авторы полагают, что содержание названных феноменов

не выходит за границы языковой семантики; для других авторов содержание ЯКМ совпадает с обыденным сознанием в его вербальной оболочке или даже выходит за границы обыденного сознания; 2) неясны методы выделения («экстракции») языковых концептов из семантики языка; поэтому так разноречивы оценки численности концептов в отдельной (национальной) ЯКМ: для одних авторов это ограниченный набор «ключевых значений», для других – бесконечное множество смыслов; остается в тумане и вопрос об иерархии концептов; 3) неясен вопрос о том, насколько для национальных ЯКМ значимы те различия, которые выявляются в ходе сопоставительных исследований концептов [Мечковская 2010: 29].

Поиск путей к решению данных проблем нам видится в установлении терминологического консенсуса, предпосылкой к которому может стать то общее, что выделяется в структуре базовых понятий когнитивной лингвистики практически всеми исследователями независимо от направленности и степени «широты» или «узости» избранного подхода. Например, у *концепта* выделяются следующие общие признаки: 1) образный (метафорический) компонент; 2) близость к понятию; 3) опора на результаты чувственного опыта индивида; 4) связь с культурной средой. При этом большинство исследователей считает, что концепт должен быть вербализован, «оязыковлен». Все эти признаки можно соединить в определении: «Концепт – это вербализованный в сознании сгусток культуры» (определение Ю. С. Степанова, уточненное Б. Ю. Норманом), что не противоречит существующим определениям концепта как «ростка первообраза» и «зерна первосмысла» (В. В. Колесов), «понятия, погруженного в культуру» (Ю. С. Степанов), «предпонятийной структуры», «еще не оформившегося исходного множественного смысла» (Н. Ф. Алефиренко), «дискретной единицы коллективного сознания» (А. П. Бабушкин), «глобальной мыслительной единицы», «кванта структурированного знания» (З. Д. Попова, И. А. Стернин) и многим другим. Все они друг друга взаимодополняют. Б. Ю. Норман справедливо отмечает, что «собственно научная ценность понятия *концепт* состоит именно в том, что оно объединяет, синтезирует в себе различные виды познавательного опыта человека» [Норман 2013: 11]. В этом заложен глубокий междисциплинарный смысл когнитивной методологии, и именно это, по нашему мнению, может стать той базой, на которой из хаоса вырастет порядок.

Как нам представляется, еще не пришло время дать исчерпывающую и универсальную дефиницию концепта в его лингвистическом понимании, поскольку имеющаяся эмпирическая база (даже в мировом масштабе) пока недостаточна для этого. Можно лишь отмечать наличие у него определенных признаков и свойств, подтверждаемых эмпирически. По мере накопления таких фактов сложится база, необходимая для построения более точной и всеобъемлющей дефиниции. Бесспорно одно: назрела необходимость стандартизованного обозначения – однословной номинации, поскольку большинство исследователей сходятся в значимости данного элемента в сети

ментальных отношений и поведенческих тактик социума. И термин *концепт* выглядит в качестве «кандидата» на такую номинацию более подходящим, чем, например, принятый в философии термин *логоэпистема* или термин *лингвокультурема* в лингвокультурологии [Норман 2013].

«Мода» на когнитивизм, как отмечали многие ученые, – дань лингвистики, заплаченная за многолетнее засилье структурализма. Однако это не значит, что когнитивизм является опровержением структурализма. Рассмотрение языка как иерархически устроенной системы взаимосвязанных и взаимообусловленных уровней является весьма ценным для науки. Современные когнитивные исследования не противоречат такому пониманию, наоборот, они дополняют и расширяют его, доказывая, что специфика языковой категоризации действительности пронизывает все уровни языка [Алефиренко, Корина 2011: 124].

Междисциплинарный когнитивный подход приобретает особую ценность в типологическом срезе – в сопоставительных исследованиях различных языков, позволяя проследить национально-специфичные отличия в языковой категоризации действительности. Главная задача и основное достижение когнитивной лингвистики нам видится именно в синтезе существующих подходов к изучению языка и речевой деятельности на когнитивной основе, поскольку язык является основным (хотя и не единственным) средством выражения всех когнитивно обусловленных процессов.

На перспективность соединения в когнитивной лингвистике синхронического, диахронического и типологического срезов указывает и Е. В. Рахилина, которая именно в диахронии видит будущее когнитивных исследований [Рахилина 2009]. В этом аспекте важно создание исторических корпусов разных языков, необходимых для установления механизмов и причин различных языковых изменений:

[...] самое важное – это детали: как именно тот или иной переход происходил, в каких условиях, насколько он похож или не похож на аналогичные ему, в каких конструкциях он отразился и на каком этапе перехода? Если мы будем точно знать КАК, мы найдем ответ на вопрос ПОЧЕМУ [Рахилина 2009: 5].

Диахронность свойственна и такому важному объекту когнитивных исследований, как метафора, поскольку она «отражает прошлое языка, застывшие „осколки” старой картины мира, т. е. уже утраченных языковых представлений» [Рахилина 2009: 5]. Эта особенность демонстрируется, в частности, при исследовании русских метафор глагола *плыть/плавать*, которые различаются в зависимости от характера движения в воде – активного или пассивного [Майсак, Рахилина 2007].

Язык – составная часть и инструмент познания, и он так же бесконечен, как само познание. Ситуация, когда все уже познано и больше познавать нечего – это ситуация когнитивного коллапса, в связи с чем Б. Ю. Норман справедливо отмечает, что «человеческое сознание постоянно ищет новых

форм языковой категоризации действительности» [Норман 2013: 193]. Поэтому мы можем бесконечно приближаться к познанию сущности языка, но никогда не познаем его полностью. Это свойство любой **открытой самоорганизующейся системы**.

Большинство существующих на сей день подходов к языку рассматривает его преимущественно в одном аспекте: биологическом, социальном, психологическом, мыслительном, структурном и т. д. В рамках «своего» аспекта эти теории стройны и убедительны, и каждая из них внесла свой ценный вклад в изучение языка в различных его проявлениях. Однако для приближения к пониманию сущности языка им всем недостает комплексности подхода. Именно эту задачу пытается взять на себя когнитивная лингвистика. Но это задача архисложная, которая не может быть решена узкими специалистами в одной области; она требует соединения методов лингвистики, логики, философии, психологии, нейрофизиологии и компьютерного моделирования, соединения усилий больших исследовательских коллективов, составленных из представителей разных наук. Одной из наиболее труднорешаемых задач такого сотрудничества является координация усилий разных специалистов и гармонизация различных подходов. Однако трудность решения не означает его невозможности.

Как уже было сказано, многие сомневаются в правомерности самостоятельного существования самой когнитивной лингвистики [Мечковская 2010; Кривонос 2001; Архипов 2008; Киклевич 2010 и др.] на той основе, что большинство исследований, декларируемых как когнитивные, представляют собой разные формы исследований лексической семантики [Киклевич 2010; Архипов 2010 и др.], а следовательно, не приносят ничего, что было бы достойно отдельной лингвистической дисциплины. Действительно, проблемами формирования языковой картины мира, которая является одним из объектов исследования в когнитивной лингвистике, занимаются многие семантические школы (Московская семантическая школа Ю. Д. Апресяна, новомосковская школа концептуального анализа [А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина], этнолингвистические школы Н. И. и С. М. Толстых [Россия] и Е. Бартминьского [Польша], корпусно-семантические исследования Е. В. Рахилиной и В. А. Плуменяна, теория семантических примитивов А. Вежбицкой и др.), однако этим ни сфера исследовательских интересов, ни методологические подходы далеко не исчерпываются. Исследования языковой категоризации действительности в грамматическом аспекте представлены в лингвистике России и стран СНГ трудами Е. В. Падучевой, М. В. Всеволодовой, Т. В. Булыгиной, Б. Ю. Нормана и др., убедительно доказывающими наличие прямой взаимосвязи между формированием грамматической структуры высказывания и (языковой) картиной мира говорящего [Норман 2013; Всеволодова 2010; Булыгина, Шмелев 1997 и др.]. Аналогичные выводы на базе словообразования делаются в фундаментальном труде Т. И. Вендиной *Словообразование и картина мира* (1998),

а вопросы когнитивной сопряженности концептов в грамматике рассматриваются, в частности, в трудах А. Е. Кибрика [Кибрик 2003 и др.]. Данные факты опровергают один из аргументов противников лингвокогнитивистики, что она не выходит за рамки лингвистической семантики.

Одной из причин негативного восприятия когнитивной лингвистики в целом и ее методологии в частности является выраженное А. К. Киклевичем опасение, что лингвист, вступающий в когнитивные исследования, вынужденно оказывается в позиции дилетанта, не имеющего специального психологического или социологического образования и навыков проведения экспериментальных исследований [Киклевич 2010]. В этой связи Э. Табаковская [Tabakowska 2000: 67] упоминает высказывание Я. Розвадовского начала XX в. (1903 г.): «Mimo wyrzucenia logiczno-gramatycznego schematyzmu i stałego zaznaczania psychologicznego charakteru zjawisk językowych, językoznawcy w ogóle gruntownego wykształcenia psychologicznego nie posiadają» [цит. по: Киклевич 2010: 206]. По нашему глубокому убеждению, лингвист и не должен брать на себя функции профессионального психолога или социолога, а должен тесно сотрудничать с представителями других областей знания и использовать их достижения в своей научной практике. Эта задача выполнима при формировании междисциплинарных исследовательских коллективов, она не может решаться силами лингвистов-одиночек.

Особенно печально сознавать, что многие «идейные противники» и «заступники» когнитивной лингвистики призывают по большому счету к одному и тому же, считая, что придерживаются противоположных и непримиримых взглядов. Для сравнения процитируем одного из ярко выраженных противников когнитивной лингвистики – философа языка А. Т. Кривоносова:

По моему глубочайшему убеждению, нужна не искусственная погоня за очередной «парадигмой» или «метафорой», которая якобы родится из «когнитивной лингвистики», из разысканий в области «лингвистики текста», «речевых актов», «теории дискурса», а необходимо скрупулезное исследование с т р у к т у р ы и с е м а н т и к и языка, его функций и **самое главное – исследование взаимоотношения языка с теми областями знания, которые его «окружают», с которыми он неразрывно связан и которые делают его именно тем, чем он является – языком, т. е. исследование взаимодействия языка с действительностью, с мышлением, с сознанием, с речью, с логикой** [выделение наше. – *Н. К.*]. В современной науке о языке должно, наконец, пробить себе дорогу понимание той единственной истины, что **естественный язык не имеет самостоятельного, независимого от действительности, от мышления, от сознания, от речи, от логики существования** [выделение наше. – *Н. К.*]. Только в этом ряду парных взаимоотношений со смежными областями знания – только не в виде общей беллетристической говорильни, а конкретным показом пальцем: что с чем связано и что от чего зависит – мы сможем обнаружить сущность языка, из которой самым естественным образом вырастет и сама парадигма языкознания [Кривоносов 2010: 146–147].

Но ведь именно исследование взаимодействия языка с мышлением, сознанием, речепорождением и является основной задачей когнитивной лингвистики! Мы усматриваем основное противоречие не в наличии или отсутствии определенных методологических подходов, а в первую очередь в отсутствии желания увидеть в существующем многообразии исследовательских направлений то общее, что может стать их общим знаменателем и первым шагом к наведению порядка в лингвокогнитивной методологии.

Полагаем, ни у кого не вызывает сомнений необходимость глубокого анализа конкретных языковых фактов с позиций разных научных дисциплин. Однако каждое специализированное исследование раскрывает лишь одну сторону явления, и остается потребность в синтезе, обобщении всех полученных результатов. Именно этим, по нашему убеждению, и должна заниматься когнитивная лингвистика, созданная именно как междисциплинарное синтетическое направление. И хотя современное состояние когнитивной методологии в лингвистике довольно хаотично, это еще не повод для того, чтобы похоронить когнитивную лингвистику как науку. Как нам представляется, нынешний понятийно-методологический хаос – это нечто вроде детских болезней, своего рода корь или ветрянка, которые оставляют свои «оспинки» на ее теле, но общее состояние стабилизируется. А потому можно резюмировать: хотя в настоящий момент методология когнитивной лингвистики больше напоминает хаос, но в нем все сильнее становятся тенденции к упорядочению, что позволяет надеяться на возобладание порядка в будущем. Подтверждение этому – традиция российских конференций по когнитивной науке с международным участием, которая зародилась в 2004 г.: первая из них была в Казани, а в июне 2014 г. такая конференция проходила в Калининграде уже в шестой раз. Ее цель –

[...] создание совместного форума для представителей разных наук, исследующих познание: психологов, лингвистов, нейрофизиологов, специалистов по компьютерным наукам, философов и других ученых, интересующихся междисциплинарными вопросами в области когнитивных исследований [*Первая российская конференция...* 2004].

Именно на пути соединения усилий специалистов разных областей знания мы видим выход из методологического хаоса в когнитивной лингвистике.

Таким образом, в деле превращения хаоса в порядок важно:

- соединить усилия представителей различных областей знания;
- комплексно применять диахронический, синхронический и типологический подходы;
- не абсолютизировать достигнутое: язык – открытая динамичная система, возможен пересмотр подходов. **Но наука от этого не пострадает.**

Литература

- Алефиренко Н. Ф., Корина Н. Б., 2011, *Проблемы когнитивной лингвистики*, Nitra: FF UKF.
- Арутюнова Н. Д., 1978, Функциональные типы языковой метафоры, *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, т. 37, № 4, с. 333–343.
- Арутюнова Н. Д., 1979, Языковая метафора (синтаксис и лексика) [в:] В. П. Григорьев (отв. ред.), *Лингвистика и поэтика*, Москва: Наука, с. 147–174.
- Арутюнова Н. Д. (ред.), 1991, *Логический анализ языка: культурные концепты*, Москва: Наука.
- Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. (ред.), 1990, *Теория метафоры. Сборник научных трудов*, Москва: Прогресс.
- Архипов И. К., 2010, Природа концепта и методы его изучения [в:] А. К. Киклевич, А. А. Камалова (ред.), *Современная русистика: направления и идеи, т. 2: Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, Olsztyn: Centrum Badań Europry Wschodniej, с. 163–174.
- Аскольдов (Алексеев) С. А., 1928, Концепт и слово [в:] *Русская речь. Новая серия*, вып. 2, Ленинград: Наука, с. 28–44.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., 1997, *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*, Москва: Языки славянской культуры.
- Всеволодова М. В., 2010, Национальная языковая картина мира и грамматика [в:] *Лингвістичні студії. Збірник наукових праць*, вып. 20, с. 18–26, <http://litmisto.org.ua/?p=8639> (дата обращения: 20.02.2014).
- Камалова А. А., 2010, Когнитивная лингвистика в России (краткий обзор) [в:] А. К. Киклевич, А. А. Камалова (ред.), *Современная русистика: направления и идеи, т. 2: Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, Olsztyn: Centrum Badań Europry Wschodniej, с. 23–41.
- Кибрик А. Е., 2003, *Константы и переменные языка*, Санкт-Петербург: Алетейя.
- Киклевич А. К., 2010, Концепт! Концепт... Концепт? К критике современной лингвистической концептологии [в:] А. К. Киклевич, А. А. Камалова (ред.), *Современная русистика: направления и идеи, т. 2: Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, Olsztyn: Centrum Badań Europry Wschodniej, с. 175–219.
- Кривонос А. Т., 2010, Спорное в когнитивной лингвистике [в:] А. К. Киклевич, А. А. Камалова (ред.), *Современная русистика: направления и идеи, т. 2: Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*, Olsztyn: Centrum Badań Europry Wschodniej, с. 131–162.
- Кубрякова Е. С. (общ. ред.), 1997, *Краткий словарь когнитивных терминов*, Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2008, *Метафоры, которыми мы живем*, 2-е изд., Москва: Издательство ЛКИ.
- Лихачев Д. С., 1993, Концептосфера русского языка, *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, т. 52, № 1, с. 147–165.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.), 2007, *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, Москва: Индрик [текст сборника и базу данных к нему см. на сайте <http://aquamotion.narod.ru> (дата обращения: 23.02.2014)].

- Мечковская Н. Б., 2010, Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии [в:] Т. Anstatt, В. Norman (Hrsg.), *Slavistische Studien Bücher. Neue Folge*, Bd. 22: *Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Славянские языки в когнитивном аспекте*, Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, с. 13–36.
- Норман Б. Ю., 2013, *Когнитивный синтаксис русского языка*, Москва: Флинта – Наука.
- Первая российская конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов, 2004, Казань: КГУ, www.cogsci.ru (дата обращения: 23.02.2014).
- Потебня А. А., 1922, *Мысль и язык*, Одесса.
- Рахилина Е. В., 2009, *30 лет спустя: Новые методы, инструменты и задачи когнитивной лингвистики*, <http://www.pandia.ru/text/77/302/26358.php> (дата обращения: 29.08.2013).
- Щерба Л. В., 2004, *Языковая система и речевая деятельность*, изд. 2-е, Москва: Едиториал УРСС.
- Bartmiński J., 2009, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin: UMCS.
- Dolník J., 2010, *Jazyk – človek – kultúra*, Bratislava: Kalligram.
- Dolník J., 2012, *Sila jazyka*, Bratislava: Kalligram.
- Evans V., 2007, *A Glossary of Cognitive Linguistics*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Evans V., 2009, *Leksykon językoznawstwa kognitywnego*, Kraków: Universitas.
- Haspelmath M., Tadmor U. (eds.), 2009, *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*, Berlin: De Gruyter Mouton.
- Hľadanie spoločného jazyka v kognitívnych vedách*, 2000, Ľ. Beňušková, V. Kvasnička, J. Pospíchal (eds.), Bratislava: IRIS.
- Jazyk a kognícia*, 2005, J. Rybár, V. Kvasnička, I. Farkaš (eds.), Bratislava: Kalligram.
- Rybár J. a kol., 2012, *Kognitívne paradigmy*, Bratislava: Európa.
- Schwarz M., Chur J., 1996, *Semantik. Ein Arbeitsbuch*, Tübingen: Narr.
- Sipko J., 2011, *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie*, Prešov: FF PU.
- Španár J., Hrabovský J., 1987, *Latinsko-slovenský a slovensko-latinský slovník*, Štvrté vydanie, Bratislava: SPN.
- Tabakowska E., 2000, *Językoznawstwo kognitywne – nowe czy dawne horyzonty badań nad językiem?* [в:] G. Szpila (red.), *Język i komunikacja 1. Język trzeciego tysiąclecia*, Kraków: Tertium, с. 56–58.
- Vaňková I. a kol., 2005, *Co na srdci, to na jazyku. Kapitoly z kognitivní lingvistiky*, Praha: Karolinum.
- Vaňková I., 2007, *Nádoba plná řeči. (Člověk, řeč a přirozený svět.)*, Praha: Karolinum.
- Wolf H.-G., Polzenhagen F., 2009, *World Englishes. A Cognitive Sociolinguistic Approach* [в:] *Applications of Cognitive Linguistics* 8, Hague: Mouton de Gruyter.